

Андрей Дашков

Машинка внутри

*Часть сборника
Настоящая фантастика – 2015
(сборник)*

Андрей Дашков

Машинка внутри

«ЭКСМО»

2015

Дашков А. Г.

Машинка внутри / А. Г. Дашков — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-457-84449-0

«Она сидела на камне в десяти метрах от дороги и плакала. Проезжая мимо, Геннадий Цветков ощутил какое-то неудобство, вроде того, которое испытывают здоровые, навещая больных, счастливики в присутствии несчастных, выжившие при встрече с мертвыми. Он знал, что от этого никуда не деться, пока ты окончательно не превратился в камень, но в то же время не мог же он сочувствовать всем. Шесть миллиардов больных или несчастных, еще больше мертвецов. Не хватит никаких сожалений, никакого сердца, никаких слез. Надо сцепить зубы и ехать дальше. Кто знает, не настанет ли вскоре время жалеть себя? На жалость со стороны других рассчитывать не приходилось – официально гражданина Цветкова попросту не существовало...»

ISBN 978-5-457-84449-0

© Дашков А. Г., 2015

© Эксмо, 2015

Андрей Дашков

Машинка внутри

Если люди и цивилизация несовместимы – что в любом случае всем нам известно, – ничего не поделаешь: старайтесь извлечь максимум при плохой игре.

Норман Мейлер

Если хочешь сделать что-то по-настоящему правильное и честное, делай это в одиночку.

Ричард Йейтс

1

Она сидела на камне в десяти метрах от дороги и плакала. Проезжая мимо, Геннадий Цветков ощутил какое-то неудобство, вроде того, которое испытывают здоровые, навещающие больных, счастливчики в присутствии несчастных, выжившие при встрече с мертвыми. Он знал, что от этого никуда не деться, пока ты окончательно не превратился в камень, но в то же время не мог же он сочувствовать всем. Шесть миллиардов больных или несчастных, еще больше мертвецов. Не хватит никаких сожалений, никакого сердца, никаких слез. Надо сцепить зубы и ехать дальше. Кто знает, не настанет ли вскоре время жалеть себя? На жалость со стороны других рассчитывать не приходилось – официально гражданина Цветкова попросту не существовало.

И он поехал дальше. Но был один нюанс, чертов половой вопрос. Он забыл бы плачущую старуху, плачущего мужика и даже – назовите его лицемерным чудовищем – плачущего ребенка. Красивую молодую женщину он не забыл. Проклятие Адама лежало и на нем. Оно ослепляло. Оно притупляло нюх. Оно заставляло пренебрегать постоянной опасностью. Совсем как в тот раз, в «Армагеддоне», когда он наткнулся на шлюху с бритвой. Отрезанный палец побаливал до сих пор. Но это был, к счастью, всего лишь мизинец на левой руке, а не член (как говорится, почувствуйте разницу), и, оставшись мужчиной, он не всегда помнил, чего мог лишиться.

Сейчас, после четырехмесячного воздержания, с его памятью было особенно легко договориться.

Цветков затормозил, остановился и сдал назад. Можно сказать, купился на женские слезы. А заодно услышал, как самодовольно заурчало мужское «я» в предвкушении возможного угощения. Но прежде всего он купился на женские слезы.

Не он первый. Не он последний.

* * *

Собственно говоря, то, что женщина молодая и красивая, он увидел не сразу. Интуиция? Какая там, к дьяволу, интуиция. Уже потом напомнила о себе лишенная эмоций и либидо механическая машинка внутри его мозга, которая всегда, что бы ни творилось снаружи, продолжала просчитывать варианты, не подавая до поры до времени сигналов тревоги. И машинка вычислила: уродливую они не посадили бы. Потрошители тоже кое в чем разобрались и знали, как заставить потенциального донора выйти из машины.

Когда он оказался прямо против нее, она продолжала сидеть со склоненной головой и утирать слезы. Даже не взглянула на «спасителя». Ее горе могло бы сойти за искреннее. Она не искала первое встречное плечо. А может, он столкнулся с еще более изощренной игрой?

Через пару секунд выяснилось, что его воздержание продлено на неопределенный срок. Потрошители появились бесшумно. Их было трое, не считая приманки, которая сразу перестала рыдать и ощерилась, показав настоящее лицо. Действительно, красивое. Будет немного жаль ее убивать...

Цветков зевнул и выдохнул остатки утреннего тумана, затем поправил жилет со вставками из арамидного волокна, неплохо защищавший грудь и живот. Наивный, собирался расслабиться, но, похоже, ему никуда не деться от привычной работы. В последнее время он не искал ее, она сама его находила. Чем не торжество правосудия без лишней волокиты, как любит выражаться действительный советник Набоков, возглавляющий шестнадцатое отделение «Химеры». Но как же хорошо, когда наводки слепого (по идее) правосудия совпадают с собственными желаниями.

Потрошители взяли его в кольцо – во всяком случае, так им казалось. Правда, у него было преимущество – они не могли позволить себе повредить жизненно важные органы. Его органы. У него же никаких проблем с их органами не было. Наоборот. У него была четкая инструкция относительно того, как поступать с телами «во избежание их дальнейшего использования». А Геннадий считался одним из лучших в «Химере» – в немалой степени благодаря тому, что неукоснительно следовал инструкциям.

Красотку он убил выстрелом в лоб. Все, что она успела, это удивиться. Они всегда немного удивлялись, когда напоследок вдруг осознавали, что собирается сделать с ними с виду неповоротливый и уже немолодой мужичка. Красотка свалилась с камня и осталась лежать с открытыми глазами.

Он занялся другими потрошителями – в порядке убывания опасности, которую они представляли. Первым был щенок с парализатором, не успевший приблизиться на расстояние эффективного применения. Цветков выстрелил ему в живот, чтобы помучился. В сочившемся с востока тусклом сереньком свете он опознал потрошителя – в розыскной сводке тот проходил как особо опасный. Из молодых, да ранних. За ним тянулся кровавый след – около десятка незаконно изъятых органов. Почки. Печень. Два детских сердца. И так далее.

Выстрела в живот было явно маловато.

Следующий. Интеллигентского вида очкарик средних лет. В одной руке – контейнер, в другой – кейс с инструментом. Геннадий не удивился бы, оказался этот черным хирургом. В группе потрошителей, вышедших на охоту, обычно имелся один сведущий в том, как грамотно обращаться со скальпелем. Если же нет, то донора можно усыпить, а позже всегда найдется свободный художник на подхвате, работающий по вызову. Этими «Химера» интересовалась особо – из-за связей. Так что сегодня Цветкову, можно сказать, повезло. В полном согласии с инструкцией, он не стал убивать очкарика сразу. Двумя выстрелами навсегда избавил его от коленных чашечек и от желания самостоятельно передвигаться.

Третий, получивший фору, не сумел этим воспользоваться. Он обнаружил зачатки благоразумия и пытался сбежать. Цветков увидел его лицо, прежде чем тот повернулся задом. Новичок. Непрофессионал. Почти пенсионер вдобавок. Как видно, захотел срубить легких денег. Слезливую фразу «не хватает на жизнь» Геннадий ненавидел и ни в коем случае не принимал в качестве оправдания. Тебе не хватает на жизнь, сука? Тогда не живи.

Примерно это он и прошептал, стреляя «пенсионеру» в затылок. Пуля снесла часть черепа, и на землю незадачливый потрошитель рухнул, избавленный от пары сотен граммов бесполезного серого вещества.

Геннадий огляделся. Вокруг все было неподвижно. Пасмурным утром мир будто восставал из пепла. Ни одной машины, ни одного свидетеля. Чистая работа.

Щенок стонал, ковыряя пальцами землю. Цветков приблизился, подобрал парализатор. Подпольно изготовленная многорежимная модель. Розовая мечта любого палача. Что ж, иногда мечты сбываются.

Стоны перешли в визг. Он слушал эти звуки не без удовольствия, пока сопляк не сдох. Процедура заняла минут пятнадцать. Слишком мало для справедливого наказания, но зато слишком много для мародеров. Биомаяки убитых замолчали, а за их телами никто не явился. Для гарантии Цветков подождал еще пятнадцать минут. Раз уж утро началось с работы, то почему бы не выполнить ее на совесть?

Убедившись в отсутствии других желающих умереть, он занялся хирургом. Обнаружил у того в кейсе стандартный набор инструментов и несколько ампул «девятой жизни» – проклятой штуковины, предотвращающей отторжение тканей, после появления которой на черном рынке охота за органами приобрела пугающие размеры. Слишком многим хотелось продлить существование. У многих были на это деньги. А деньги решали все в мире, где, по идее, все должна была решать любовь.

Он уничтожил ампулы. Контейнер оказался пустым. Значит, сегодня это была их первая охота. И последняя. Хирург пребывал в сознании и следил за Цветковым, покусывая от боли и ужаса. Догадывался, что его ожидает.

Глядя на холодно поблескивающие инструменты, Геннадий испытал нешуточное искушение. В конце концов, очкарик виноват ничуть не меньше, чем щенок, отключавший намеченных жертв. Но этот еще был нужен живым, а преодолевать искушение Цветкову было не впервой.

Он ограничился небольшими надрезами у очкарика во рту и еще кое-где, после чего связал потрошителя и затолкал на заднее сиденье. Вложил в приоткрытый рот красотищи не примечательный жетон – не более чем дань вежливости «Химеры» по отношению к полиции. На этой неделе жетоном служила черная сотенная фишка казино «Каир». Затем Геннадий Цветков продолжил путь в контору после двенадцатичасовой ночной смены. Его юбилейной трехтысячной смены. Он их не считал – за него это сделал регистратор на выезде.

Ну что ж, юбилей он отметил достойно.

2

Иногда он чувствовал себя слишком старым для всего этого. Не видать конца кровавой работе, а с каждым месяцем он все хуже помнил, с чего же начинал. Размышляя о жизни в свое так называемое свободное время, нелегко было отыскать в ней смысл, но потом, когда он, выезжая на очередное задание, находил тела с вырезанными сердцами или, наоборот, провожал домой живых, спасенных, избежавших благодаря ему страшной участи, – смысл появлялся словно бы из ниоткуда. И, само собой, возникали неразрешимые вопросы: до какой мерзости может дойти род человеческий и не лучше ли ему вообще не существовать? Впрочем, та самая бездушная машинка внутри знала ответ – и он звучал как приговор, не подлежащий обжалованию.

Но было кое-что, вернее, кое-кто. Напоминание из прошлой жизни. Ребенок. Слабое место в любой философии, даже неопровержимо убедительной. И еще одно. Мария – так звали его шестнадцатилетнюю дочь – была единственной причиной, по которой Геннадий Цветков молился. Это случалось редко, когда совсем припекало, но случалось. И тогда он, засунув подальше здравый смысл, совершенно серьезно просил Главного Хирурга, кото-

рый создал этот ублюдочный мир и зверинец для двуногих, чтобы никто из его обитателей не добрался до Марии.

* * *

Вернувшись в контору, он сдал полудохлого потрошителя следователям, после чего ощутил непреодолимое желание принять душ и выпить. Необязательно в таком порядке. Неплохо бы также и поспать, но пить и мыться во сне он еще не научился, поэтому кровать могла подождать.

Разбросанные по городу отделения «Химеры» в полном соответствии с названием не стремились обнаруживать свое существование и были замаскированы под ничем не примечательные организации, большей частью общественные и благотворительные. Геннадий Цветков был приписан к шестнадцатому отделению, которое располагалось в подвале здания с вывеской «Фонд помощи жертвам программ отложенной смерти». В глаза не бросается; по коридорам фонда в основном бродят люди, которых бесполезно о чем-либо расспрашивать, а десятком тачек на стоянке никого не удивит. Душ тут имелся – что касается телесного и душевного комфорта сотрудников, контора не скупилась. Правда, выпивка не входила в перечень доступных средств – до сих пор пределы здоровый цинизм руководства, к немалому сожалению низших чинов, не простирался. Но это не было неразрешимой проблемой.

Смыв с себя налет минувшей ночи, Цветков переоделся в чистый костюм и отправился домой пешком. По пути он зашел в кафе «Южный крест», открытое круглосуточно, взял коньяк, кофе и решил посидеть на террасе под навесом.

Накрапывал дождик. Город пробуждался. После пары глотков сонливость и у Геннадия как рукой сняло. Вроде бы все нормально, но едва заметно дрожали пальцы. Это было что-то новенькое. Очередное напоминание о возрасте. Он понимал, что однажды может оказаться недостаточно быстрым для работы «на свежем воздухе». А для работы в подвале он не чувствовал в себе призвания. Каждому свое. Но что делать, когда все «твое» уплывает от тебя, будто в дурном сне, убегает с мелькающими мимо днями и ночами, неудержимо соскальзывает в пропасть прошлого, а впереди ничего, кроме перспективы одинокой старости и любезно предоставляемого дежурного утешения в виде новой личности и пенсии? На этот вопрос не знала ответа даже машинка внутри. Машинка предпочитала иметь дело с настоящим временем. Может, в этом и заключалась единственная доступная человеку мудрость.

Цветков допил коньяк и кофе, заказал еще, полистал принесенную официантом утреннюю газету. На развороте была большая статья какого-то «аналитика» о способах борьбы с нелегальной торговлей органами. Тема номер один вот уже несколько лет, но мало что изменилось, а если изменилось, то к худшему. «Химера» упоминалась лишь вскользь, да и то как полумифическая контора. Благодаря стараниям лоббистов в парламенте подконтрольная пресса предпочитала болтать в основном о «законодательных инициативах». Когда Цветков слышал эту фразу, его рука тянулась к кобуре. Вообще-то сотрудникам «Химеры» не разрешалось носить оружие во внеслужебное время – во избежание «несанкционированных действий и побочных осложнений». Но Геннадий почти не расставался с пушкой и был уверен, что ему ничего не грозит. Насчет этого между его конторой и полицией существовало что-то вроде негласных договоренностей. Еще бы: «Химера» взвалила на себя самую грязную и самую неблагодарную работу. Если, конечно, не считать награды, предположительно ожидавшей особо отличившихся на том свете. Но, как ни странно, туда никто не торопился, а Цветков, к своему стыду, еще и слабо верил в посмертное воздаяние. Во всяком случае, рассматривал prerogative воздать каждому по заслугам, не отходя от кассы, как часть своих

служебных обязанностей. Возможно, он много на себя брал. Если так, он был готов понести наказание.

Около девяти он решил, что Мария, наверное, уже проснулась. В отличие от него, вставшего обычно ни свет ни заря, дочь, как и бывшая жена, любила поваляться в кровати. Сейчас, во время каникул, – почти наверняка. Но у Геннадия возникло какое-то странное предчувствие, не объяснимая рационально необходимость услышать голос дочери. И только машинка внутри тихо озвучила: «А вдруг этот, который любит пошутить, решил, что ты вполне сгодишься?..»

Он достал телефон и нажал кнопку вызова Марии. Когда после энного гудка произошел сброс, он набрал еще раз. С тем же результатом. В пустом желудке обнаружилось и заворочалось что-то свинцово-тяжелое, и кишки сдавило этим прессом. Геннадию ничего не оставалось, кроме как набрать номер своей бывшей.

Когда он услышал ее почти нормальный голос, у него немного отлегло от сердца. Совсем нормальным голос не мог быть по определению – она видела, от кого звонок. Правда, и сонным этот голос он не назвал бы, так что успокаиваться рано.

– Мария дома? – спросил он, поздоровавшись.

– Да.

Коротко и ясно. Стало быть, ложная тревога?

– Она спит?

– Нет.

– А почему не берет трубку?

Пауза. Бывшая благоверная, видимо, решала, пускать ли его дальше в свою жизнь. В их с Марией жизнь. Он слегка надавил:

– Что-то случилось?

– Да так... – Наконец, нехотя: – Ее допрашивают.

– Кто? – Вопрос, безусловно, не являлся образцом проницательности.

– Ну кто? Твои друзья полицейские.

Он пропустил яд мимо ушей.

– По какому поводу?

– Убили какого-то ее знакомого.

– Я сейчас приеду.

Вяло:

– Не уверена, что ты здесь нужен.

Он не стал ждать, пока ее уверенность созреет. Дал отбой, расплатился и поймал такси. До бывшего семейного гнездышка добрался минут за двадцать. Полицейская машина стояла чуть поодаль. Даже до этих тупоголовых дошло, что не всегда надо мозолить глаза.

Перед дверью позвонил. Открыла мамочка. Вид у нее был слегка растерянный, как будто она недавно узнала что-то такое, к чему еще не успела привыкнуть. Возможно, к тому, что ее дочери уже шестнадцать, у «ребенка» появились какие-то тайны и, не дай бог, личная жизнь.

Он-то думал, что готов к этому. Во всяком случае, приучал себя к мысли, что однажды узнает о существовании ее «друга». И он узнал. Похоже, кое-кто все-таки сегодня находился в шутилом настроении.

Полицейских было двое, и прежде Цветкову не доводилось с ними встречаться. Один – молодой крупный блондин, хмурый и ко всему безразличный. Второй – постарше, среднего телосложения, – выражением лица напоминал кобелька, готового ввязаться в любую разборку. «Беседа» с Марией как раз закончилась. При появлении Геннадия Кобелек слегка оживился, а после того, как тот сделал звонок по специальному номеру, откровенно обрадовался, понадеясь, что удастся спихнуть потрошиловку «хиимерам». Дальнейший разговор

его слегка разочаровал, но принцип «рука руку моет» работал, сколько Цветков себя помнил, и вскоре он знал о начавшемся расследовании немного больше, чем положено знать отцу несовершеннолетней, проходящей пока как свидетель по делу о незаконном изъятии органов в составе преступной группы.

При общении наедине, за закрытой дверью, Кобелек показал Геннадию несколько фотографий. Красотка с открывшимся третьим глазом и черной фишкой во рту, пенсионер со скворечником в черепе, юнец. Последний лежал, прижимая руки к развороченному животу. Из сплетения кишок торчала рукоять парализатора.

– Узнаете его? – спросил полицейский, пытливо заглядывая в глаза.

– Наш клиент, – подтвердил Цветков равнодушно.

– Очень жаль, но у вашей дочери была с ним связь.

Геннадий не стал уточнять, что имеется в виду под словом «связь». Да, шутка получилась что надо.

– Я ничего не знал. – Как будто если бы знал, что-то изменилось бы.

– Эта молодежь... – посочувствовал Кобелек – возможно, даже искренне.

– Уверен, что она была не в курсе его походов. – Заканчивая фразу, Цветков понял: Кобелек уже что-то нарыл. Не по тройному убийству, нет, – там все было чисто, а если не совсем чисто, то контора его прикроет. Нежелательная информация касалась Марии.

– А я не уверен, – сказал Кобелек и снова не слишком убедительно изобразил сочувствие. – При ее-то болезни...

Цветкова будто ударили под дых рессорой.

– Какой болезни?

– А вы и об этом не знали? – Кобелек воззрился на него со странным выражением, словно слегка осуждал за то, что «коллега» оказался плохим папочкой.

– О чем, черт подери?!

– О том, что ей требуется пересадка почки.

* * *

Иногда его охватывала уверенность, что привычная упорядоченная жизнь похожа на стену, возведенную из плохо подогнанных камней и без цемента. Стоит выдернуть один камень – и все полетит к хренам собачьим. До поры до времени спасает только то, что таких стен несколько. Но однажды начнет рушиться последняя, и тогда конец.

Геннадий Цветков пережил нечто подобное уже трижды. В результате очутился – кто бы мог подумать, когда он был молодым! – на специфической службе, без семьи, без матери и отца, без друзей и даже без дома, который хоть в малейшей степени вызывал бы ощущение уюта. Безликая служебная квартира не в счет – не более чем гостиничный номер на пути к смерти, и это еще в лучшем случае. Как бы не сделаться бродягой...

Понятное дело, начальству подобные расклады нравились. Он был почти идеальным воплощением их представлений об исполнителях для «непрозрачных операций». Личная история стерта, в общедоступных и труднодоступных базах данных отсутствует, не отягощен сколько-нибудь заметным имуществом, не замечен ни в чем предосудительном и как будто не имеет мотивов чересчур сильно цепляться за брэнное существование. Семья и дети? Ну, это в прошлом, а если отчасти и в настоящем, то отношения эпизодические и прохладные. Лучше бы, конечно, их вообще не было, но нельзя же требовать, чтобы живые (пока) оперативные работники превратились в химер в буквальном смысле слова.

Да и не совсем он исполнитель, а в силу специфики работы «в поле» просто обязан проявлять изрядную самостоятельность в действиях и принятии решений. Тяжелая у него работа, нервная. Не для впечатлительных. Но крайне нужная. На самых, можно сказать,

передовых позициях в сражении с новыми вызовами. Под конец времен прогресс подсовывал роду людскому очередное искушение. И праведником быть необязательно, лучше даже наоборот. Полезнее для здоровья... Много ли таких, что устоят? Оказалось, не много. И с каждым днем все меньше – по мере того как снижаются показатели продолжительности жизни на отравленной старушке Земле, а подпольная хирургия расцветает пышным цветом. Не говоря уже о вкладе «продвинутых» стран, целиком отдавшихся прогрессу и узаконивших трансплантацию. Но прогресс оказался любовником, склонным к садо-мазо...

* * *

Не о том он думал. Совсем не о том. Но машинка внутри догадывалась, по какой причине. Он пытался вытеснить из памяти последний разговор с бывшей женой. Тщетно.

– Почему ты мне не сказала?

– А зачем?

– Затем, что я ее отец.

– Последние пятнадцать лет ты об этом редко вспоминал!

– Не вспоминал, потому что ты была против!

– А, так это я виновата? Вот и катись!

– Сейчас разговор не о нас, а о Марии. Помощь нужна ей.

– И чем же ты можешь помочь, долбаный лузер? Явишься под утро, чтобы сказать ей «спокойной ночи»?

– Не хами. У меня работа. Получше твоей... Деньги нужны?

– Ха-ха. Засунь их себе в задницу, лузер! Они там как раз поместятся. Даже мелкими купюрами.

– На старости лет меньше яда у гадюки не становится.

– Да пошел ты!..

От разговора с эскулапом было немногим больше пользы. Тот подтвердил диагноз. На вопрос об операции криво ухмыльнулся: «Вы же понимаете... Очередь на год вперед. И это обойдется в сто пятьдесят штук». Он так и сказал: «штуки». Цветков не доверял людям, которые не уважали деньги. Это означало, что они им слишком легко достаются. Однако в цене коновал не ошибся, можно быть уверенным. Разве что в меньшую сторону.

После больницы Геннадий вернулся к себе домой, но заснуть так и не удалось. Он с трудом дождался вечера, разрываясь между желанием напиться, попытаться еще раз увидеть дочь и пониманием, что лучше всего сейчас не делать ни того ни другого, а заняться чем-нибудь опустошающим душу и голову. Работой, чем же еще.

В результате он позвонил в отделение и попросил переставить его на ближайшую ночную смену. Дежурный побулькал что-то насчет перегрузок, правил и медкомиссии, но оба знали, что это всего лишь обязательная программа. А была еще и произвольная.

В двадцать один ноль-ноль Геннадий Цветков заступил на ночное патрулирование. Перед этим он долго и внимательно изучал ориентировки на подозреваемых в охоте за органами. Их лица отпечатались у него в мозгу, словно всаженные в каждую извилину лазерным принтером. Тем вечером Цветков был далек от сомнений касательно своего ремесла и жаждал встречи с потрошителями, ибо, как ему тогда казалось, нет ничего хуже для него, чем спокойное дежурство.

Оно и не было спокойным.

3

В десять он встретился со своим осведомителем. Тот бывал в таких местах, куда «химеры» и полицейские попадали только мертвыми и не всегда одним куском. Порой Цветков задавал себе вопрос, не сидит ли этот человек одной задницей на двух стульях. Той ночью он особенно хотел бы знать ответ.

Встреча состоялась в почти полной темноте. Сидя в машине, Геннадий различал только силуэт стоявшего рядом мужчины. Разговаривали сквозь щель над слегка опущенным боковым стеклом. Дождь заглушал голоса. Осведомитель предпочитал, чтобы его называли «Эй, ты», а лучше вообще никак не называли. И это можно было понять. Оперативники «Химеры» довольно часто доживали до пенсии; люди, сливавшие им информацию о потрошителях, – почти никогда. Причина была все та же – деньги. За черными трансплантологами стояли такие деньги, что «химерам» и не снились. Поэтому, отстегнув информатору некоторую сумму из специального фонда, Цветков задумался, что же он сейчас купил – сеанс трудотерапии на ближайшую ночь или собственную смерть.

Смерти он не боялся, но теперь, после того, что он узнал, она сделалась несвоевременной и неуместной. Слишком напоминала бегство от проблемы туда, где либо никаких проблем нет, либо они совсем другие. Неважно, что скажет по этому поводу благоверная сучка, важно, что некому будет помочь Марии. А кстати, как он собирается ей помочь? Плохой вопрос. Абсолютно неудобный. Машинка внутри уже подсчитала: сто пятьдесят тысяч он заработает за тридцать лет – и то если не потратит на себя ни цента. Прекрасный результат. У него был шанс прожить еще тридцать лет, если побережётся. Но у его дочери, похоже, не было. Кроме того, к ста пятидесяти тысячам следовало добавить еще кое-что: стоимость «деяти жизней». Вспомнив о раздавленных шести ампулах из хирургического кейса и о как минимум одной жизни, безвозвратно впитавшейся в землю, Геннадий заскрипел зубами.

Впервые за все время службы в «Химере» он пожалел о содеянном. Это было плохим признаком. Его последняя стена начала рушиться.

* * *

Погода была чрезвычайно мерзкой и неподходящей для прогулок, но также – что имело особое значение – для вертолетной доставки. Поэтому Цветков ждал конвоя на боковой дороге неподалеку от трассы, соединявшей неотложку с трансплантационным центром. В неприметном служебном «Форде» имелось все необходимое, чтобы отслеживать передвижения спецтранспорта, а место Геннадий выбрал исходя из полученной от осведомителя информации, которая, впрочем, вполне совпадала с его собственными тактическими соображениями. Здесь, на S-образном участке трассы, благоразумная скорость не превышала пятидесяти километров в час, а в ливень – тридцати. Цветков не сомневался, что водитель фургона будет чрезвычайно благоразумен. Наличие конвоя означало, что какой-то высоко сидящий старпер нуждался в поправке здоровья.

Слава богу, долго ждать не пришлось, иначе мысли о Марии снова повергли бы Геннадия в ступор. Увидев на мониторе, что конвой приближается, он взял «канарейку» и вылез из машины. Стихия обрушилась на него ледяным ливнем и порывами злобного ветра. Плюс: можно было не волноваться насчет того, что его шаги услышат раньше времени. Минус: арамид терял прочность под воздействием воды, а его модифицированный жилет непромокаемым не был.

Поначалу тьма казалась непроглядной. Потом он начал кое-что различать. Двинулся в ту сторону, где потрошители устроили засаду. По скромным прикидкам, их, вероятно, было не меньше десятка. Шагая в пронзаемой водяными струями темноте, Цветков поймал себя на том, что чуть ли не впервые в жизни нарушил инструкцию. Строго говоря, при таком количестве потрошителей ему полагалось вызвать подкрепление. Но у него даже мысли не возникло сделать это. Какого дьявола? Трасса входила в его зону патрулирования. Если бы не осведомитель, он ничего не знал бы о готовящемся перехвате. Значит, нарвался случайно. Этой версии он и решил придерживаться в дальнейшем. Машинка внутри с ним согласилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.